

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 0.7.0,05.4.7.2,5.7.1.6

Е. С. Бабкина

М. С. РОКОТОВ (БИБИНОВ) — РЕДАКТОР ДЕТСКОГО ЖУРНАЛА (ИЗ НЕОПУБЛИКОВАННОГО НАСЛЕДИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ)

Тихоокеанский государственный университет, Российская Федерация, 680035, Хабаровск, Тихоокеанская улица, 136

Статья посвящена изучению жизни и творчества одного из самых известных, но позабытых сегодня редакторов русского зарубежья Дальнего Востока — М. С. Рокотова. Опираясь на архивные материалы и публикации периодических изданий, ранее не выпускавшихся в России, автор сосредоточивает свое внимание на неизученном аспекте деятельности редактора — вкладе М. С. Рокотова в становление и развитие детской периодики в эмиграции. Библиогр. 19 назв.

Ключевые слова: М. С. Рокотов, русское зарубежье, журналистика, детская периодическая печать.

**M. S. ROKOTOV (BIBINOV) — CHILDREN MAGAZINE EDITOR
(FROM UNPUBLISHED HERITAGE OF NATIONAL PERIODICAL PRESS)**

E. S. Babkina

Pacific National University, 136, Tihookeanskaya ul., Khabarovsk, 680035, Russian Federation

The article is concerned with the study of life and works of M. S. Rokotov (Babinov) — one of the most famous editors in Russian émigré community in Far East, but forgotten nowadays. Based on archive materials, private papers and publications in periodical literature, which was not issued before, the author concentrates attention on unstudied aspect of editor's work — contribution to making and development of emigration periodicals for children. Refs 19.

Keywords: M. S. Rokotov (Bibinov), Russian émigré community, periodical press, periodicals for children.

Активное развитие отечественной журналистики для детей как самостоятельного компонента современной системы СМИ побуждает редакторов детской периодики к постановке и решению новых задач, связанных с необходимостью повышения качества выпускаемой продукции. Думается, что в сложном процессе определения потребностей читательской аудитории, выявления потенциально талантливых авторов и качественных материалов для публикации современным редакторам будет полезно учесть опыт редактирования, выработанный классической журналистикой, в том числе журналистикой русского зарубежья Дальнего Востока.

Жизнь и творческая судьба одного из самых известных редакторов русского зарубежья Дальнего Востока Михаила Сергеевича Бибинова (псевдоним — Рокотов), являет собой иллюстрацию высокопрофессионального подхода литературного сотрудника к выпуску печатной продукции в сложных, драматичных, но открытых для свободного творчества условиях жизни русских эмигрантов первой волны.

Михаил Сергеевич Бибинов родился 12 (25) сентября 1895 г. в г. Смоленске. По образованию — военный. В 1913 г. окончил 2-й Московский императора Николая I Кадетский корпус. 1 декабря 1914 г. выпущен в офицеры из Михайловского артиллерийского училища. С 14 декабря 1914 г. до февраля 1918 г. служил в строю Лейб-гвардии стрелкового артиллерийского дивизиона (с 1916 г. — бригады). Последняя должность — бригадный квартирмейстер и заместитель казначея. Последний чин — гвардии штабс-капитан, выслуживший 1 сентября 1917 г. чин капитана гвардии. В 1920 г. приказом Главнокомандующего переведен в армию в чине подполковника и за участие в Каппелевском походе произведен в полковники.

Участник Первой мировой войны и гражданской войны в России (состоял в антибольшевистских войсках на Украине, в Сибири). Контужен в бою 3 сентября 1916 г. (немного глух на правое ухо). Награжден: орденами Станислава второй и третьей степени; орденами Святой Анны четвертой, третьей и второй степени; орденом Святого Владимира второй степени; Георгиевским оружием (приказ по Армии и Флоту от 5 июля 1917 г.) [1].

В заполненной им анкете для Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) от 22 марта 1935 г. указал: «...в Маньчжурию прибыл в 1920 г. в составе отступающей каппелевской армии. По прибытии в Харбин служил короткое время в Охранной страже КВЖД, затем непродолжительное время имел небольшую фотографию в Старом Харбине, служил в Союзе Взаимопомощи чинов дальневосточной армии, длительное время работал корректором в газете «Рупор», сотрудником в газете «Заря», «Гун-Бао», «Новости жизни». С 1929 г. — заведующий редакцией газеты «Рубеж»» [1].

Послужной список эмигранта М. С. Бибинова наглядно иллюстрирует сложный путь самоопределения на чужбине. В отличие от многих своих соотечественников, продолживших в эмиграции начатое еще на родине занятие журналистикой, до приезда в Маньчжурию М. С. Рокотов никакого отношения к редакторской деятельности и репортерскому труду не имел. Не будет преувеличением сказать, что сама судьба предопределила М. С. Рокотову заняться журналистикой.

В архивах БРЭМ сохранились данные [2], которые отчасти проливают свет на то, каким образом офицер М. С. Бибинов, по призванию весьма далекий от журналистики, получил место редактора в одном из самых популярных журналов дальневосточного зарубежья. Его жена, Агния Александровна Бибинова (в девичестве Чернышева), была младшей сестрой супруги одного из самых влиятельных издателей дальневосточного зарубежья — Е. С. Кауфмана. В условиях эмиграции любая поддержка соотечественников была явлением естественным и общераспространенным, а редкие сохранившиеся или приобретенные родственные связи ценились и оберегались изгнанниками особенно трепетно. Вместе с тем справедливости ради необходимо отметить, что занимаемую должность М. С. Рокотов получил не только благодаря родственным отношениям.

Эпистолярное наследие М. С. Рокотова свидетельствует о присущем ему стремлении к образному осмыслению действительности и искусству слова: в юношеском возрасте он неоднократно принимал участие в литературных конкурсах и даже становился их лауреатом, а уже в эмиграции, в Маньчжурии, стал одним из основателей «Общества Писателей и Журналистов» (1921 г.). Под псевдонимом С. Яворский, а позднее (под давлением полицейской цензуры японского оккупационного режима)

и под своей настоящей фамилией, Бибинов публиковал статьи, очерки и заметки во многих эмигрантских изданиях [3, с. 116].

Человек широкой эрудиции, М. С. Рокотов сочетал в себе военную дисциплинированность, выдержку, требовательность с пронизательностью, грамотностью, чуткостью к русскому языку и искусству слова. Безусловный интерес для практики редактирования представляет работа М. С. Рокотова над рукописями. Так, характеризуя литературную деятельность поэта-эмигранта С. Я. Алымова, он писал: «Алымов был, несомненно, очень талантлив, но и очень нестрог к себе. Ну, например: “выезжают на...” — грамотнее сказать “выезжают в дозор”. А главное, выезжают — самое начало; когда еще не устали — лошадям еще не от чего быть “в мыле”. Вот когда поскачут с “дальнего дозора”, тогда будут “взмывленными”, и, наконец, вообще очень спорно выражение “лошади выезжают”, — на них можно выезжать, а они — выходят, выбегают, отправляются и т. п.» [5]. Эти комментарии позволяют проследить, насколько скрупулезно велась работа над рукописью произведения: без оглядки на авторитет автора редактор тщательно правил текст, добываясь смысловой точности и выразительности. О себе и своих требованиях к словесному строю произведения сам М. С. Рокотов говорил: «Я консервативного мышления и взглядов» [4].

Эпистолярное наследие М. С. Рокотова, сохранившееся в архивах ИМЛИ РАН, позволяет полнее представить литературные ориентиры и профессиональные принципы работы главного редактора одного из самых известных журналов русского Харбина. На первом месте для М. С. Рокотова всегда стоял поэтический талант, самобытность художника. Личностное, субъективное отношение к автору отходило на второй план, когда речь шла о художественном мастерстве. Примером тому могут служить суждения М. С. Рокотова об одном из самых известных харбинских поэтов — А. Несмелове: «Я... не могу много сказать о Несмелове, так как никогда близок с ним не был и никогда не его любил. <...> Я его не любил за его цинизм главным образом, но даже до того, как я узнал его в этом отношении, я уже почувствовал, вместо притяжения, какое-то отталкивание. Я, разумеется, могу ошибаться, но мне всегда казалось, что сущность человека всегда видна в его внешности; особенно много открывают глаза и улыбка человека. У Арсения глаза были “два застывших плевка” как однажды сказал (не об Арсении) Саша Черный. Белые брови, белые ресницы; глаза избегают смотреть прямо... А смех у него всегда был фальшивый, часто утрированно громкий. И ничего в нем не было от офицера, от честного русского офицера, каким он должен быть в моем представлении.

Но что Арсений был исключительно талантлив, это я признавал, говорил всегда, говорю и теперь. Был он большой мастер стиха» [6].

Несмотря на свою прямоту и категоричность в суждениях и оценках, М. С. Рокотов пользовался заслуженным уважением у авторов. Чуждый формальному подходу к анализу литературного произведения, он бережно и внимательно относился к авторскому тексту, старался сохранить в нем индивидуальность образного воспроизведения действительности и художественной выразительности. В одной из своих статей известный мастер поэтического слова дальневосточной эмиграции В. Перелешин вспоминает: «Сам не поэт, он обладал вкусом и был чрезвычайно широк и терпим. От поэтов он требовал, прежде всего, здравого смысла, не выносил жеманства и всякого рода “кувыркания под куполом”: выпирающих аллитераций, «рваных» строк, не разрешал начинать строки с маленькой буквы или пренебрегать знаками препинания. Многие поэты, начинавшие свой путь на страницах “Рубежа”,

навсегда сохранили благодарность этому на редкость доброжелательному и совсем “нестрашному” редактору за ту прививку внутренней дисциплины, которую получили от него и которая предотвратила их от уклонов в “невнятицу” и вошедший те­перь в моду “формализм бесформенности”» [7, с. 258].

А харбинская журналистка Ю. В. Крузенштерн-Петер­ец, вспоминая о «Рубеже», отмечает работу «его издателя энергичного Е. С. Кауфмана и аккуратного методич­ного редактора М. С. Рокотова. Им обоим “Рубеж” был обязан своим успехом и сво­ей популярностью» [8, с. 95].

Несмотря на эпистолярное наследие и сохранившиеся воспоминания совре­менников, в творческой биографии М. С. Рокотова остается еще много белых пятен. Одной из неизученных страниц жизненного пути М. С. Рокотова является его редак­торская работа в детском журнале «Ласточка», выпускаемом издательством «Заря». Руководитель издательства Е. С. Кауфман в 1931 г. выкупил нерентабельное издание у прежнего владельца А. Я. Буйлова и сделал «Ласточку» самым популярным рус­ским детским журналом не только в Китае, но и в Японии, Германии, Франции, Тур­ции, США. Под его руководством «Ласточка» просуществовала до 1945 г. [15, с. 276].

М. С. Рокотов совместно с Е. С. Кауфманом возглавлял редакторский отдел дет­ского журнала с 1931 по 1935 г. Сейчас сложно определить личностный вклад каж­дого из них в разработку концепции, структурное и содержательное наполнение издания, однако очевидно, что принимаясь за работу, Е. С. Кауфман и М. С. Рокотов сделали ставку на проверенные временем традиции — интеллектуальное и духовное развитие подрастающего поколения.

Редактор самого популярного в эмиграции детского издания предъявлял высо­кие требования к материалу, составляющему наполнение журнала. Детская литера­тура должна была не только развлекать и просвещать, но и отражать все ценностные ориентиры миропонимания как целостной органической системы, охватывающей не только сферу материальной деятельности, но и сложность человеческих отношений.

«Содержание журнала составили три вида произведений:

- произведения, прямо адресованные детям;
- произведения, созданные для взрослых, но нашедшие отклик у детей (прит­чи, библейские предания, рекламные объявления, адаптированные к детско­му восприятию);
- произведения, сочиненные детьми (детское литературное творчество)» [15, с. 278].

Любопытно отметить, что основное содержание «Ласточки» составили не столь­ко ценные в художественном отношении произведения, сколько не признанные та­ковыми. Несмотря на трепетное отношение представителей дальневосточной эми­грации к русскому литературному наследию Золотого века, произведения А. С. Пуш­кина, П. П. Ершова, И. А. Крылова, С. Т. Аксакова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и других отечественных классиков (в том числе и детской литературы) журнал не публиковал. Издатели обращались к творчеству своих не менее талантливых поэтов-современников: Корнея Чуковского, Саши Чёрного. Но и их стихи печатались изред­ка: в спешке покидая Россию, эмигранты брали с собой лишь самое необходимое, и книги часто не входили в этот перечень, а находясь в чужой стране, большинство россиян не имели ни возможности, ни средств на их приобретение. Поэтому издате­ли «Ласточки» были вынуждены обращаться за помощью к своим современникам, писателям-эмигрантам. М. Талызин, Б. Инсаров, О. Черков, Е. Шредер, В. Уральский,

Ф. Чудаков, А. Доганович, А. Алтаев, А. Рамзина, М. Тергала, М. Львова — вот далеко не полный перечень писателей-любителей, посвятивших свое творчество детской аудитории [13]. Привлекал М. С. Рокотов к работе в детском издании и признанных мэтров, известных дальневосточных поэтов, с которыми уже имел опыт плодотворного сотрудничества в журнале «Рубеж» — Алексея Ачаира, Ирину Лесную, Николая Светлова [14].

В определении жанровой системы произведений «Ласточки» редактор Рокотов руководствовался прежде всего вкусами юных читателей. Как известно, малыши основное предпочтение отдают стихам и сказкам, следом за лирикой осваивают прозу, а позже — драматургию.

Важным направлением работы редактора является формирование композиции издания. Именно в период редактирования журнала М. С. Рокотовым определяются основные его рубрики, не претерпевшие существенных изменений в последующие годы: «Почему и отчего?», «Наши читатели — сами писатели», «Подумайте-ка!», «Английский уголок» и др.

Как редактор, М. С. Рокотов много внимания уделял декоративно-графическому единству журнала: все иллюстрации, шрифты и графические элементы «Ласточки» были стилистически едины, неразрывно связаны между собой, что способствовало достижению единства текста и изображения.

Вместе с тем концепция издания определялась не только педагогическими задачами. Сейчас, спустя почти столетие, очевидно, что детская журналистика в изгнании выполняла не только просветительские и развлекательные функции — она носила характер духовной миссии: «Эмигранты стремились сохранить у детей знание традиционной русской культуры и привить навыки, которые позволили бы им играть созидательную роль в будущей освобожденной России» [9, с. 66.].

Покидая родину, изгнанники забрали с собой единственно доступную им ценность — воспоминания, впечатления. Лишенные критической оценки и дополненные силой воображения, они обретали новую жизнь на страницах детского издания. Подобно многим русским эмигрантам старшего поколения, М. С. Рокотов, с самого рождения пребывавший в атмосфере русской национальной культуры, осознанно, вынужденно оставив родину уже в зрелом возрасте, постарался сделать все возможное, чтобы сохранить в сознании подрастающего поколения светлый образ горячо любимой отчизны. Тема России на долгие годы стала приоритетной и в то же время самой сложной и болезненной для изгнанников, поэтому ее обсуждение в детском издании требовало особого, деликатного, подхода.

Одна из наиболее ярких публикаций «Ласточки» о России — «Самая чудесная страна на свете» относится к 1933 г. (№ 7, 1 апреля 1933 г.). Образ родины, воссозданный на страницах детского журнала, открывал малышам прекрасный, светлый и добрый мир богатой и щедрой природы, мир трудолюбивых и счастливых людей. В результате ребенок не только усваивал новые сведения о России, но и испытывал целую гамму чувств: восхищение ее красотой, удивление многообразием природных богатств, гордость за широту и необъятность русских просторов. Художественный вымысел позволял избежать освещения острых, болезненных ситуаций и при этом создавал ясный, четкий, узнаваемый образ, генетически близкий каждому россиянину.

Рассказ о России намеренно лишен острых политических и социальных проблем, недоступных сознанию малыша: «Теперь, Коля, очень многое в России изменилось, изменилось к худшему. Но об этом говорить с тобой я не буду. В свое время все

узнаешь, во всем разберешься» [10]. Взрослый, обходя сложные для наивного сознания темы, говорил о том, что близко и понятно малышу: «Всего там было вдоволь, все было дешево, и жизнь была спокойная, размеренная, налаженная, изобильная» [10]. Вместе с тем оборванность, недосказанность повествования о «самой чудесной стране» не могли скрыть горечи, тоски и чувства собственной вины в произошедшем: «Не умели мы всего этого добра ценить!» [10].

Характерно, что политическая и культурная ситуация Советской России не нашла своего отражения на страницах журнала: изгнанники словно намеренно избегали описания и прямых оценок происходящих в Отечестве событий. Вместе с тем в своем творчестве писатели были максимально честны и откровенны в обращении к детям. «Деликатно, едва заметно, сквозь недомолвки и недосказанность чуть заметным пунктиром в “Ласточку” пробивалась трагедия настоящего. Таким способом детская литература и журналистика в эмиграции воспитывала и сохраняла в подрастающем поколении чувство родины, но избавляла сознание юных изгнанников от чувства ненависти к виновникам их изгнания» [15, с. 283].

Эмигрантам Европы уже «к середине 1920-х стало очевидно, что России не вернуть и в Россию не вернуться» [11], но публикация «Ласточки» позволяет утверждать, что дальневосточная диаспора вплоть до середины 1930-х годов не теряла надежды на возвращение и, наперекор действительности, лелеяла и оберегала свою мечту: « — Папа, а мы поедem в Россию?// — Поедем, дорогой, обязательно поедem!.. “Как в гостях ни хорошо, а дома все же лучше!” — говорит русская пословица» [10].

Уже на начальном этапе выпуска «Ласточки» (1931–1935 гг.) редактором М. С. Рокотовым был определен ряд приоритетно разрабатываемых тем, впоследствии составивших основу ценностно-смыслового поля выпускаемого периодического издания:

- основной компонентой аксиологического становления можно считать подержание (пробуждение) любви к России, уважения к традициям, истории отечества, национальной культуре и языку.
- общая социализация, под которой подразумеваются установки на общественно полезную деятельность, внимание к ближнему, сочувствие, милосердие и т. п.
- создание позитивного образа традиционной модели семьи и отношений между полами, укрепление отношений между родителями и детьми, укрепление традиционных межпоколенческих связей, основанных на уважении к старшему поколению.
- ориентированность на получение новых знаний, внутреннюю работу над собой; развитие мышления, работоспособности и т. п. [12].

Следует отметить, что поставленная первым редактором «Ласточки» М. С. Рокотовым задача сохранения культурного наследия ушедшей России с максимально возможной полнотой была решена следующим поколением редакторов — М. О. Даниловым (с 1935 по 1941 г.) и Е. А. Васильевой (с 1942 по 1945 г.). Разумеется, не все дети сохранили верность традициям дореволюционной России: культурные связи постепенно ослабевали, вращение в культуру страны расселения со временем становилось все более частым явлением. Тем не менее большинство детей-эмигрантов сберегли основные элементы наследия, полученного от родителей, — язык, знание русской литературы и истории.

Происходящее в Советской России в 1930-е годы лишило эмигрантов-дальневосточников последней надежды. Политическая и экономическая ситуация в Маньчжурии в 1930-е годы (экономический кризис, японская оккупация) не оставляла поводов для оптимизма даже такому мужественному человеку, каким был М. С. Рокотов. В мае 1941 г. он эмигрировал в Америку, где поселился в городе Берлингеме под Сан-Франциско.

В «американский» период эмиграции на протяжении 18 лет посредством переписки М. С. Рокотов поддерживал отношения с признанным мастером поэтического слова В. Ф. Перелешиним (В. Ф. Салатко-Петрище). По свидетельству поэта и журналиста дальневосточного зарубежья Л. Ю. Хаиндровой, именно М. С. Рокотов «открыл» в свое время широкому читателю творчество тогда еще совсем юного девятнадцатилетнего поэта и подсказал ему творческий псевдоним — Перелешин [16, с. 31]. В своей ностальгической переписке М. С. Бибинов¹ и В. Ф. Перелешин предаются воспоминаниям о прежней, харбинской, жизни, о коллегах, друзьях-поэтах, делятся известиями об их дальнейшей судьбе, помогают воссоздать, вернуть современному читателю духовные ценности Русской Атлантиды. Обсуждая свои творческие планы, В. Ф. Перелешин присылает М. С. Бибинову последние стихи в надежде услышать мнение и справедливую критику мэтра. Несмотря на то, что в США М. С. Бибинов окончательно отошел от своей прежней литературной деятельности и совсем перестал писать, он с радостью и искренним интересом отзывается на эти предложения, откровенно и прямо высказывает В. Ф. Перелешину свои суждения: «Дорогой Валерий, по Вашему последнему письму вижу, что своим письмом с критикой Ваших стихотворных опытов я доставил Вам немало огорчения» [17]. Однако позднее, желая подбодрить товарища, общением с которым он дорожил и высоко ценил его литературный талант, со свойственной ему самоиронией М. С. Бибинов замечает: «Вы настолько переросли мой скромный уровень (в сущности, чисто ученический уровень) знания поэзии, особенно теории, что читая Ваши суждения и оценки... я чувствую себя той свиньей, перед которой “мечут бисер”» [18].

Из переписки бывших соотечественников мы узнаем о жизни М. С. Бибинова и его семьи в Америке: «Моя жена служит здесь же, в Берлингеме, в госпитале, в лаборатории, в должности *tissut technicfn* [патологоанатома], я — *retired* [в отставке], а сын мой — дантист, женат, имеет двойню 11 лет, живет в Сакраменто...» [19].

В одном из последних обращений к В. Перелешину от 24 апреля 1982 г. он пишет о проблемах со здоровьем, упоминает, что перенес два удара, в результате которых почти потерял слух, очень ухудшилось зрение [3, с. 109]. Умер М. С. Рокотов (Бибинов) 30 июня 1985 г. в Сакраменто, штат Калифорния.

Эпистолярное наследие М. С. Рокотова (Бибинова) и анализ структурно-содержательных особенностей редактируемого им журнала позволяют существенно расширить уже имеющиеся сведения по истории возникновения и развития детской журналистики в эмиграции, определить задачи и функции редактора русскоязычного детского издания за рубежом.

Изучение публикаций журнала «Ласточка» 1931–1935 гг. дает возможность выявить приоритетные направления редакторской работы М. С. Рокотова (Бибинова): гармоничное всестороннее развитие ребенка, сочетание познавательного и раз-

¹ Все свои письма к В. Ф. Перелешину главный редактор «Рубежа» и «Ласточки» неизменно подписывает М. С. Бибинов.

влекательного материала, патриотическое воспитание, ориентация на грамотную русскую речь, поддержание (а для многих детей и формирование) трепетного отношения к русской истории, культуре, языку и литературе. Одной из главных заслуг редактора М. С. Рокотова (Бибинова) стало то, что в тяжелых условиях эмиграции он сумел сплотить вокруг себя единомышленников — талантливых писателей и журналистов (профессионалов и любителей), равнодушных к проблемам подрастающего поколения.

Литература

1. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 4409: Бибинов (Рокотов) Михаил Сергеевич.
2. ГАХК. Ф. 830. Оп. 3. Д. 19674: Кауфман Елизавета Александровна, Кауфман Евгений Самойлович.
3. Кузнецова О. Ф. Из писем редактора харбинского журнала «Рубеж»: Михаил Рокотов — Валерию Перелешину // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 5. Проблемы источниковедения и текстологии: сб. науч. работ / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2012. С. 103–127.
4. ОР ИМЛИ РАН. Кабинет архивных фондов эмигрантской литературы им. И. В. Чиннова. Ф. 608. Арх. В. Ф. Перелешина. Оп. 22. Ед. хр. 41. Письмо М. Рокотова от 31 мая 1970 г.
5. ОР ИМЛИ РАН. Кабинет архивных фондов эмигрантской литературы им. И. В. Чиннова. Ф. 608. Арх. В. Ф. Перелешина. Оп. 22. Ед. хр. 41. Письмо М. Рокотова от 1971 г. (без даты).
6. ОР ИМЛИ РАН. Кабинет архивных фондов эмигрантской литературы им. И. В. Чиннова. Ф. 608. Арх. В. Ф. Перелешина. Оп. 22. Ед. хр. 41. Письмо М. Рокотова от 13 октября 1967 г.
7. Перелешин В. Русские дальневосточные поэты // Новый журнал. 1972. № 107. С. 258.
8. Крузенитерн-Петерец Ю. В. О «Рубеже» // Русский Харбин / сост., предисл. и коммент. Е. П. Тапкиной. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во МГУ; Наука, 2005. 352 с.
9. Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции 1919–1939. М.: Прогресс-академия, 1994. 296 с.
10. ГАХК. НСБ. Инв. № 3028. Л. 60об.: Ласточка: журнал. Харбин: Заря, 1933. № 7.
11. Скрабина Т. Литература русского зарубежья. URL: http://encyclopaedia.bigra.ru/enc/culture/LITERATURA_RUSSKOGO_ZARUBEZHNYA.html (дата обращения: 11.02.2014).
12. Бабкина Е. С. Аксиологическая доминанта детской периодики русского зарубежья Дальнего Востока // Ученые записки КНАГТУ. Науки о человеке, обществе и культуре, № II 2 (14). 2013. С. 40–45.
13. Бабкина Е. С. Средства массовой информации для детей и юношества русского зарубежья Дальнего Востока в аксиологическом аспекте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25). Ч. II. С. 21–26.
14. Бабкина Е. С. Аксиологический аспект в детской периодике русского зарубежья Дальнего Востока // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2011. Т. 2, № 2. С. 27–31.
15. Бабкина Е. С. Детские периодические издания русского зарубежья Дальнего Востока в контексте развития межкультурной коммуникации // Вестник ТОГУ. 2012. № 4(27). С. 275–284.
16. «Будто нет расстоянья и времени нет...» (из писем поэтов, бывших эмигрантов, к А. В. Ревоненко). Хабаровск: Хабаровский краевой краеведческий музей им. Н. И. Гродекова, 2006. 108 с.
17. ОР ИМЛИ РАН. Кабинет архивных фондов эмигрантской литературы им. И. В. Чиннова. Ф. 608. Арх. В. Ф. Перелешина. Оп. 22. Ед. хр. 41. Письмо М. Рокотова от 31 мая 1971 г.
18. ОР ИМЛИ РАН. Кабинет архивных фондов эмигрантской литературы им. И. В. Чиннова. Ф. 608. Арх. В. Ф. Перелешина. Оп. 22. Ед. хр. 41. Письмо М. Рокотова от 11 мая 1975 г.
19. ОР ИМЛИ РАН. Кабинет архивных фондов эмигрантской литературы им. И. В. Чиннова. Ф. 608. Арх. В. Ф. Перелешина. Оп. 22. Ед. хр. 41. Письмо М. Рокотова от 1971 г. (без даты).

Статья поступила в редакцию 21 июня 2014 г.

Контактная информация

Бабкина Екатерина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент; gussinda@yandex.ru
Babkina Ekaterina S. — Candidate of Philology, Assistant Professor; gussinda@yandex.ru